

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ, К. В. ОСИПОВА

**СУДЬБА ИМЕНИ В СВЕТЕ ПОДХОДА WÖRTER UND SACHEN:
СОЛОМОН В РУССКИХ ГОВОРАХ И ПРОСТОРЕЧИИ ***

Много я читал о царе Соломоне —
любимое имя русского народа.
[Ремизов 1957: 5]

В отечественной ономастике в последние годы появились исследования, авторы которых обращаются к деривационно-фразеологическим гнездам¹ с вершинным словом, представленным личным именем; ср., к примеру, работы, посвященные именам *Афанасий, Иван, Мария, Жак* и др. [Березович 2007: 518–551; Спиридонов 2011; Спиридонов, Феоктистова 2017; Феоктистова 2012]. О некоторых теоретико-методических принципах такого анализа см. специально в [Березович 2007: 547–551; Феоктистова 2016]. Эти исследования позволяют не только восстановить коннотативный спектр имени, но и осуществить семантико-мотивационную реконструкцию ряда «темных» деантропонимов, получающих трактовку с учетом логики смысловой организации всего гнезда.

В настоящей статье изучается деривационно-фразеологическое гнездо с вершинным словом *Соломон* в русских народных говорах и просторечии. Для анализа избрано имя, деривационное гнездо которого по своей мотивной организации должно иметь явные отличия от гнезд перечисленных выше антропонимов. Имя *Соломон* соединяет в себе две смысловые линии, которые с большой вероятностью будут обыгрываться при последующих

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351).

Авторы сердечно благодарят О. В. Белову, И. Б. Качинскую, Е. И. Ляшеву и А. В. Юдина за помощь в сборе материала и ценные консультации при подготовке статьи.

¹ В такое гнездо включаются семантические и семантико-словообразовательные производные вершинного слова, а также устойчивые выражения с его участием; об этом понятии см. в [Березович 2014: 14].

Елена Львовна Березович, Уральский федеральный университет; Ксения Викторовна Осипова, Уральский федеральный университет

переосмыслениях: во-первых, оно принадлежит знаменитому библейскому царю (и является, таким образом, прецедентным антропонимом); во-вторых, это имя «типичного» еврея, которое может впитать в себя коннотации этнонима. Обе линии должны быть отражены, по нашей рабочей гипотезе, в народной языковой стихии (чем и обусловлен выбор материала для статьи): именно в народном языке обычно проявляются этнические стереотипы; что касается образа библейского царя, то он стал во многих фольклорных традициях (в том числе славянских) культурным героем. Так, «широко распространенные в древнерусской литературе сюжеты о царе Соломоне позднее уходят в фольклор и в новой литературе практически неизвестны, за исключением сюжета о Соломоне и Суламифи, источником для которого служит не древняя литература, где он не находит отражения, а непосредственно “Песнь Песней”» [СУСМ: 6]. Что касается фольклора, то мотивы, связанные с царем, отразились в самых разных его жанрах — «в былинах, побывальщинах, духовных стихах, сказках, легендах, заговорах, загадках, а также в сценах народного театра» [Елеонский 1958: 444]².

Вопрос о бытовании производных от библейского антропонима *Соломон* в русских говорах рассматривался в [Родионова 2000: 183–184], где содержится несколько ценных наблюдений. Новый (неизвестный И. В. Родионовой) полевой материал, записанный сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в Двиноважье (в Виноградовском районе Архангельской области), комментируется в заметке [Верхотурова, Пьянкова 2003]. Некоторые лексические единицы, которые относятся к народной традиции (например, *соломонничать* ‘изрекать мысли, умничать’) приводятся в статье «Соломон» в «Словаре коннотативных собственных

² Укажем на некоторые работы, посвященные фольклорному образу царя Соломона, которые могут быть учтены при интерпретации языкового материала. Изучению легенд о царе Соломоне, имеющему цель определить первоисточник сказаний (о Соломоне и Китоврасе, о Соломоне и Василии Окуловиче, о Соломоне в аду), были посвящены работы многих фольклористов и этнографов [Веселовский 1872; 1881; Елеонский 1958; Кузнецова 2010; Пыпин 1855; Райан 2006: 569–570; Титова 1986 и др.]. Подробный перечень мотивов, фигурирующих в восточнославянских легендах о Соломоне, представлен в [НБ: 303–309]. Многие из этих мотивов являются общими для украинской, белорусской и русской традиций, но есть и исключения: скажем, сюжет об уде как «птице царя Соломона», отмеченный в украинском и белорусском Полесье, в русском фольклоре и диалектах, кажется, не засвидетельствован (см. о нем в [Белова, Петрухин 2002; 2007: 440–448]). Об имени Соломона в русских заговорах см. в [Юдин 1997: 138–139]. Встречается это имя и в русском лубке, см., к примеру, текст «Песни Песней» в лубочном варианте [Плетнева 2013: 361–363]. Об апокрифических сюжетах с участием Соломона, «мигрирующих» в сказки, см., например, в [Сушицкий 1914]. Наконец, о связи фольклорного образа Соломона с тем, который представлен в художественной литературе, можно получить представление из указателя сюжетов и мотивов русской литературы [СУСМ: 54–56].

имен» Е. С. Отина [2004: 321–322], однако большинство используемых в ней данных связано с книжной традицией. Новые диалектные факты примерно втрое расширяют материал, которым располагали И. В. Родионова и Е. С. Отин, и позволяют обнаружить новые детали, смысловые линии и выстроить недостающие мотивационные звенья.

Диалектный и просторечный образ Соломона — только часть общеязыкового образа, реконструкция которого может стать задачей отдельной монографии. Большое количество фактов, принадлежащих деривационно-фразеологическому гнезду с вершинным словом *Соломон*, отмечается в книжной традиции. Например, в русской литературе XIX в. упоминается *соломонов сосуд*³: это сочетание отсылает, по всей видимости, к легендам о Сулаймане (который соответствует библейскому Соломону в мусульманской традиции), наказывавшем непокорных джиннов, заточая их в запечатанные⁴ сосуды [МНМ 2: 475]. Но поскольку в народной языковой традиции нет, как кажется, воспоминаний о *соломоновом сосуде*, эта фразема не будет рассматриваться в ходе дальнейшего изложения. Не привлекаются к анализу также другие книжные фраземы, в том числе выражение *соломоновы времена* (*времена царя Соломона*), обозначающее глубокую древность⁵. Будут приводиться только те факты литературного языка, которые так или иначе поддерживают (в семантико-мотивационном отношении) диалектные и просторечные лексические единицы.

В силу специфики изучаемого материала мотивационная реконструкция предполагает опору на широкий культурный контекст, что позволило вынести в заголовок упоминание о подходе *Wörter und Sachen*. В качестве средств, помогающих обнаружить мотивации языковых единиц, выступают принятые в народной среде обрядовые и бытовые практики, фольклор-

³ Ср.: «— Только что-нибудь необыкновенное, — примолвил человек, похожий на запечатанный *соломонов сосуд*» (А. А. Бестужев-Марлинский. 1830); «— Се убо тма египетская, в *соломонов сосуд* заключена, а это моща. Черная склянка была тщательно закупорена пробкою, и поверх пробки туго обтянута воловым пузырем» (В. В. Крестовский. 1867); «Отец Ириарх, вертя в руках *соломонов сосуд*, показывал его всем присутствующим» (Там же) и др. Здесь и далее контексты из произведений художественной литературы приводятся по [НКРЯ].

⁴ Таким образом, представления о *соломоновом сосуде* оказываются связанными с *соломоновой печатью* (о которой см. далее), ср.: «Большой, красный джинн разломал сосуд с *соломоновою печатью*, освободился, и стоял за городом, смеясь беззвучно, но противно» (Ф. К. Сологуб. 1905), «И вот, по необходимости, сорвана *соломонова печать* с склянки с закупоренными духами; они вылетели не во время и не влезают по приказанию волшебника опять в склянку» (Н. И. Пирогов. 1879–1881).

⁵ Ср.: «Златом избилующий Офир посещаем был еще во *времена соломоновы*» (Пословицы российские. 1782); «Сколь далеко отстоит в познаниях нынешний народ иудейский от своих праотцев, живших во *времена соломоновы* и моисеевы!» (Н. И. Новиков. 1781) и др.

ные тексты и памятники книжности, верования, которые служат аргументами, относящимися к компетенции так называемой «широкой» этнолингвистики.

В семантико-мотивационной структуре изучаемого деривационно-фразеологического гнезда представлены три основных блока:

- лексические единицы, во внутренней форме которых есть указание на предметные атрибуты царя Соломона;
- слова, мотивационно связанные с «Гадательным кругом царя Соломона»;
- слова, отражающие представления о чертах характера, интеллекте, поведении того, кому приписывается имя *Соломон* (будь это библейский царь или «типичный еврей»).

Основной материал для статьи извлечен из диалектных словарей русского языка, а также из неопубликованных картотек, содержащих лексические данные по территории Русского Севера, где имя *Соломон*, как будет показано далее, оставило наиболее яркий след: это картотеки Словаря говоров Русского Севера [КСГРС] и Архангельского областного словаря [КАОС].

1. Первый смысловой блок представлен языковыми фактами, имеющими наиболее явную мотивацию. Он связан с прецедентным библейским именем и включает в себя языковые единицы, указывающие на **предметные символы, которые визуализируют образ царя Соломона**. Важнейший из таких атрибутов — *соломонова печать*, или *перстень царя Соломона*, при помощи которого царь Соломон, по преданию⁶, укрощал демонов; в нем же заключены были «многие мудрости» царя [ЕЭБГ 14: 447–448; МНМ 2: 460; Райан 2006: 322, 570 и др.]. Изображение на перстне — шестиугольная или пятиугольная звезда⁷, которую составляли два наложенных друг на друга равносторонних треугольника. Соломонова печать становится символом всего необъяснимого и таинственного, ср. факты, принадлежащие книжной традиции: *соломонова печать* '(иноск.) недоступное, таинственное, непонятное' [Михельсон 2: 295], *это печать премудрости Соломоновой, с семью (девятью, двенадцатью) столпами* 'говорится о чем-либо таинственном, непонятном' [Даль² 3: 107].

⁶ Это предание впервые упоминается, по всей видимости, в «Иудейской войне» Иосифа Флавия [Райан 2006: 322].

⁷ В литературном языке фиксируется устойчивое сочетание *соломонова звезда* (*звезда Соломона*): «А другому дан герб с тремя лилиями и с *соломоновой звездой*, дан господином, за доблесть» (Г. В. Иванов. 1928); «Хунта пропустил Федора Симоновича вперед и, прежде чем выйти, косо глянул на меня и стремительно вывел пальцем на стене *соломонову звезду*» (А. и Б. Стругацкие. 1964); «Затем методично закапала весь лист свечным салом, нарисовав причудливую звезду. — Вот *звезда Соломона*. Теперь вам станет легче в 1000 раз» (М. Хуторной. 2003) и др.; ср. также название рассказа А. И. Куприна «Звезда Соломона».

В народной традиции это конкретный образ: так, название *соломонова печать* имеет **амулет**, который носят от лихорадки [Сперанский 1917: 443]. Этот образ представлен в **фитонимии**, ср. *соломо́нова печать* ср.-урал. ‘растение корвяк обыкновенный (употребляется в народной медицине от бессонницы, кашля, кишечных расстройств)’: «Соседку я соломоновой печатью вылечила. Он единый от кашля хорош», ср.-урал., приоб. ‘растение купена аптечная, *Polygonatum officinale*’⁸ [СРГСУ 6: 40; Родионова 2000: 144; Коновалова 2000: 186; Арьянова 3: 168]. Название купены обусловлено внешним видом ее корневища, на котором отмершие стебли оставляют округлый след, визуально напоминающий печать, см. об этом в [Коновалова 2000: 116–117, 186]. Данное обозначение, закрепившееся в диалектной системе⁹, является калькой: корень купены носит латинское название *Radix Sigilli Salomonis* ‘корень печати Соломона’, ср. названия самой купены — англ. *Solomon's Seal*, франц. *le Sceau de Salomon* ‘печать Соломона’ [Анненков 1878: 107]. Что касается названия корвяка, то параллельно *соломоновой печати* употребляется наименование *царский скипетр* (без указ. м.) [Там же: 374; Даль₂ 2: 168]: растение в период цветения выкидывает красивый цветонос удлинённой формы. Показательно, что эпитет *царский* может заменяться на *соломонов*, ср. фитоним *соломонов скипетр*, который не отмечен, кажется, словарями, но встречается, например, в тексте «Моих воспоминаний» С. М. Волконского: «Там длинные метелки желтой кашки, нежно-белые метелки того, что французы зовут “царица лугов”. Выскакивает крепкий, как золотая елка, *соломонов скипетр*» (1923–1924). Замена имеет двустороннюю мотивированность: с одной стороны, *Соломон* был *царем*; с другой — корвяк имел также приведенное выше название *соломонова печать*.

Несмотря на то, что фитоним *соломонова печать* связан с международной ботанической номенклатурой, он органично освоен народной традицией. Крестьянам был знаком образ соломоновой печати: к примеру, в домашних библиотеках заонежских крестьян хранилась «Книга, глаголемая печать царя Соломона» [ПКСРС: 22]; в русских заговорах с Соломоном связан мотив запечатывания [Юдин 1997: 138–139] и др.

Другой фитоним, образованный от имени *Соломон*, сформировался, кажется, вне влияния международной номенклатуры. Он основан на образе руки или ладони Соломона: приамур. *соломбшкина ладошка (ручка)* ‘герань Власова, *Geranium wlassovlanum* Fisch.’: «Раньше-то бабушки сами

⁸ Как указано в приведенных источниках, корневища и ягоды купены используются в народной медицине; кроме того, купену использовали для гадания «любит-не-любит»; будучи добавленной в воду для умывания, трава, по поверьям, способствовала белизне кожи [Райан 2006: 392–393].

⁹ *Соломонова печать* применительно к купене фиксируется и в официальной русской ботанической номенклатуре, см. [БСЭ 40: 47], но отсутствует в словарях литературного языка.

лечились, докторов не было, заготавливали соломошкину ручку. Эту травку называли так, потому что доктор был такой. Пятипальник у нас соломошкиной ладошкой зовут: лист как ладонь» [СРГП: 280]. Название возникло как результат осмысления визуального сходства листа герани, имеющего пять секторов, с ладонью. Соломон назван в контексте доктором, что вполне соответствует его статусу культурного героя. Так, в заговоре от стрел Соломон врачует раненого: «Царь Соломон, сходи за тридевять земель, за тридевять морей, принеси пехтус масла. Приди, помажи рабу Божьему (имя) тело бело, руки, ноги, буйну голову, ретивое сердце» (арх.) [РЗЗ: 376, № 2395]; он может *исцелять людей от 12 (7, 77) лихорадок-трясавиц, от всех болезней* [Юдин 1997: 139].

Образ ладони, в том числе сакрального персонажа, типичен для названий растений: курск. *божьи ручки* 'первоцвет аптечный, *Primula veris* L.; употребляют как успокаивающее и потогонное средство', *божья ручка* влг. 'орхидея, имеющая клубни', влг., сев.-двин. 'ятрышник пятнистый, *Orchis maculata* L.; настой из его стеблей употребляется от головной боли; сушеные и растолченные корни пьют с водой от поноса', новг. 'род травы' [СРНГ 3: 64], влг. *боговы ручки* 'травянистое растение (какое?)': «Боговы ручки кисточкой такой трава, по горюшкам росла, мы их ели» [СГРС 1: 127], без указ. м. *богородицкая ручка, ручка Божьей матери* 'иерихонская роза, *Anastatica hierochuntica* L.', *богородична рука* 'ятрышник широколистный, *Orchis latifolia* L.' [Зиновьева 2009: 206]; ср. также инославянские параллели: укр. *ручка божої матери*, макед. *рака од Пречиста* 'иерихонская роза, *Anastatica hierochuntica* L.', болг. *ръчичка на св. Богородица* 'растение (?)', польск. *dłónki / rączki / dłoń Krystowa / Chrystusowa* 'иглица, *Ruscus hypoglossum*', *dłoń Chrystusowa* 'орляк обыкновенный, *Pteris aquilina*', 'ятрышник пятнистый', *rączki / dłoń Chrystusowa* 'кокушник длинно-рогий, *Gymnadenia conopsea*; кокушник душистый, *Gymnadenia odoratissima*' [Колосова 2008: 269; 2009: 250], укр. *божа ручка, божьи ручки, божи ручки* 'первоцвет аптечный, *Primula veris* L.' [Колосова 2009: 67] и др.

Подобные названия даются растениям, имеющим соцветие в форме кисти или пальчатую форму клубней [Там же: 67–68]; не меньшую роль в мотивации играют представления о чудесных свойствах растения: «мотив руки следует трактовать в рамках идеи чудотворения и исцеления (...); у растений подчеркивается наличие чудодейственных и целебных свойств» [Родионова 2000: 57] (в некоторых случаях, вероятно, растение может быть не столько лекарственным, сколько утоляющим голод, ср. приведенный выше контекст к влг. *боговы ручки*). Возможно, в ряду «святых рук» первоначально появилась «божья рука»: выражения с такой внутренней формой обладают наибольшей устойчивостью и клишированностью. Так, в русских заговорах встречается клише *Спасова рука*: «Ложусь я... под Богородицкий крест, под Спасову ручку» [Песковы 1993: 24], симб. «Пойду я, раб Божий, к судьям и начальникам; будь их язык воловий, сердце царя Давида, разсудит нас царь Соломон, Спасова рука» [Майков 1992: 149–

150, № 342]. Для нас важно, что во втором тексте рядом со *Спасовой рукой* появляется *Соломон*. Кроме того, образ рук Соломона имеет собственный мотивационный фундамент: форма листьев и цветов герани — помимо ладони — могла напоминать печать Соломона, имеющую, как говорилось выше, пять или шесть секторов. К тому же образ руки мог возникнуть по ассоциации с легендарным перстнем Соломона, на котором было помещено изображение соломоновой печати. Наконец, в текстах Ветхого Завета и на изображениях царя Соломона нередко встречается образ рук, воздетых к небу, который мог быть переосмыслен в народной традиции: «И стал Соломон пред жертвенником Господним впереди всего собрания Израильтян, и *воздвиг руки* свои к небу» (3 Царств 8: 22); «Соломон... тогда встал с колен от жертвенника Господня, *руки* же его были *распростерты* к небу» (Там же: 54).

В связи с названием *соломошкина ручка* следует упомянуть и созвучный фитоним: приаргун. *соломонидина ручка* ‘ятрышник широколистый, *Orchis latifolia* L.’ [СРНГ 35: 283]. В основу этого названия положено имя *Соломонида*, обозначающее фольклорного персонажа: это некая бабушка или матушка (фигурирующая в заговорах от бессонницы и крика младенцев, от грыжи младенцев, а также на облегчение родов), которая якобы принимала роды у Богородицы и пеленала Христа; в ряду ее имен не только *Соломонида*, но и *Соломония*, *Соломида*, *Соловея*, *Соломатьюшка* и др. (об этом персонаже и его имени см. подробно в [Юдин 2011]). Ятрышник является лекарственным растением с пальчатым клубнем, а среди его обозначений есть, к примеру, *богородична рука* (см. выше), поэтому *соломонидина ручка* могла появиться независимо от *соломошкиной*; мотивационной основой для названия могло стать применение растения для родовспоможения и лечения женских болезней [Колосова 2009: 250; Райан 2006: 398]. Не менее (если не более) вероятно и «наведение» фитонима *соломонидина ручка* каким-то из названий с определением *соломонов* (*соломошкин*), которые распространены более широко. Такое наведение мотивировано формальным сходством лексем¹⁰ и библейскими коннотациями слов, являющихся производными от *Соломон* и *Соломонида*¹¹.

Наконец, есть еще один фитоним, который, предположительно, является «соломоновым»: *соломоничка* новг., петерб. ‘щавель’, новг. ‘щавель воробыный, *Rumex Acetosella* L.’ [Даль₂ 4: 267; ДО: 250; СРНГ 39: 295]. Мо-

¹⁰ Например, в заговорах имена *Соломон* и *Соломонида* могут функционировать в одном контексте: так, в заговоре «на любовь» исполнитель просит утреннюю зарю Марию и вечернюю Соломониду, чтоб они дали ему солнечную красоту, а также месячную светлоту от царя Давида и кротость и смирение от царя Соломона [РЗЗ: 122, № 611].

¹¹ Вопрос о связи образов Соломона и Соломониды очень сложен; см. об этом в [Юдин 2011: 218] (со ссылкой на В. Н. Топорова, который допускает связь образов, но не приводит аргументов).

тивация неясна. Возможно перенесение названия с других «соломоновых» фитонимов, поскольку щавель тоже является лекарственным растением (хоть и не входит в их «первый эшелон»).

Говоря об отражении в языке предметных символов, связанных с Соломоном, следует упомянуть термин, представленный не в народных говорах, а в одном из слоев профессиональной лексики, связанной с городской культурой. Этот термин имеет весьма широкое хождение и не воспринимается как принадлежность книжной традиции. В **вязании** крючком есть *соломоновы петли* или *соломонов узел*¹². Это воздушный сетчатый узор — сочетание элементов из четырех лепестков. Название, вероятно, восходит к англ. *Solomon's knot crochet* (вязание «петля Соломона»)¹³, а далее — к лат. *sigillum Salomonis*, наименованию декоративного мотива, который представляет собой замкнутое переплетение двух петель (символическое изображение печати Соломона). «Узел Соломона» был представлен в русской геральдике и сфрагистике [Каменцева, Устюгов 1963: 78], и это обстоятельство, думается, способствует закреплению названия узора в узусе.

2. Второй блок «соломоновой» лексики тоже отсылает к образу библейского царя, но **связан с гаданиями по «гадательным книгам»**, среди которых наиболее популярной была «Гадательная книжка Соломона царя» (или «Гадательный круг царя Соломона»), пришедшая в Россию, вероятно, до середины XVIII в. (о традиции гадательных книг см. в [Белова, Турилов 1995], о «круге Соломона» — в [Ровинский 1881: 94–95; Вигзелл 2007: 54–55; Райан 2006: 468–469])¹⁴.

Гадательный *Соломонов круг* (*книга Соломона*, *Соломон*) нередко упоминается в художественной литературе¹⁵; что касается диалектного мате-

¹² См.: <https://domihobby.ru/346-vyazanie-solomonovyh-petel.html>; <https://spicami-i-kruch.com/kak-svyazat-uzor-solomonov-uzel-master-klass> и др.

¹³ См., например: <https://www.youtube.com/watch?v=PVGnKl4Ecec>.

¹⁴ Как указывает Д. А. Ровинский, в XIX в. многие гадательные книги «заменены цензурною гадательною книжкою царя Соломона, содержащей в себе сотни изречений туманно-нравственного направления, преподаваемых по большей части от имени неизвестного пророка на манер прорицаний знаменитого Ивана Яковлевича, вроде следующих: “20. Моли Господа Бога твоего, будет тебе, человеце, хотение твое, о том пророк рече, кипит сердце по первой жизни, добро будет тебе и радость”» [Ровинский 1881: 94].

¹⁵ «В доме водился затрепанный том славянского письма, с черным *Соломоновым кругом*, к которому Александр питал суеверный страх. Это был толкователь снов мудреца Мартына Задеки — сонник» (Ю. Н. Тынянов. 1935–1943); «Погадай! Расстрига соглашается: — Можно, можно... Он устраивается для гаданья, раскрывает вещий *Соломонов круг*: — Ну-ка, *царь Соломон*, что ты скажешь ему? Ну, загадывай, парень!.. готово. Подал Федьке *книгу Соломона*» (Е. Н. Чириков. 1924); «Книг в доме было всего две: у хозяина псалтырь, по которой он учился грамоте, а теперь для этой же цели служила его сыну, да у старшей Воронежской имелась га-

риала, то народные названия гадательного круга и гадательных книг, связанные с именем царя Соломона, сохранились в севернорусских говорах (и дочерних уральских). Чаще всего гадательный круг или книга носит название *соломóн* (арх., влг., ленингр., ср.-урал.): «Соломон-то называется книжка така больша. Мы по ей зёрнышком ячменным гадали. — *Соломон, Соломон, скажи суцу правду*, — вот такой приговор» (арх.); «Я ворожила на соломоне: такой круг, мужик нарисован и написано там, чего к чему» (ср.-урал.); «Соломоны больши были: чего выпадет. Соломон бумажной, книжка, номера на нём» (арх.); «Гадали на Рождество, иногда падало: котылёк сделаешь, сгадаешь про себя — такой соломон сделают, лицо такое» (арх.); «Соломон — гадали мы раньше; написаны номера, возьмешь зёрнышко и гадаешь: если попадешь на тот номер, что загадал, то сбудется» (ленингр.) [СРГК 6: 215; КСГРС; СРНГ 39: 295; СВГ 10: 75; ДЭИС; КАОС]. В архангельских говорах фиксируется также *царь Соломон*: «У нас была гадалочка — царь Соломон был. Крошку или горошинку бросишь, я ведь дома гадала с девками» [КАОС]. Отмечаются и иные фонетические и словообразовательные варианты: арх. *соломóнка*: «Соломонка — игра такая. Кружок кидали, на нём человечек нарисован — царь-то Соломон» [СРНГ 39: 295], ср.-урал. *солóман* [Там же 39: 291]. Название гадательной книги встречается и в украинском языке, где фиксируется вариант *салимон* [Отин 2004: 321].

В XIX в. ворожба по такому кругу была одним из самых популярных вариантов гаданий, а необходимые для него «атрибуты» крестьяне могли свободно купить на ярмарках. На обложках гадательных книг изображался царь Соломон, несущий на плечах гадательный круг (интересно, что именно в России с Соломоном оказалась соотнесенной иконография Атланта [Райан 2006: 468]). По наблюдениям Ф. Вигзелл, «Гадательный круг царя Соломона» пользовался среди крестьян неизменной популярностью вплоть до революции. «К концу XIX в. этот текст стали печатать большими тиражами на одном листе — для продажи в деревнях, — и он был столь распространенным, что его называли просто “Соломон”. Для большинства русских крестьян это был первый печатный гадательный текст, который они видели. В отличие от сонников, которые пользовались успехом у различных слоев населения, “Соломон” был сугубо “народной книгой”» [Вигзелл 2007: 55]. О «народности» такого гадания говорит и свидетельство Д. А. Ровинского: «В былое время по вечерам собиралась за стол семья с домочадцами; девки, парни, молодежи и старухи бросали по очереди пшеничное зерно или горошину на солнечную голову, а какой-нибудь грамотей Парамошка читал вслух и на церковный лад выпавшее изречение с пророком на конце» [Ровинский 1881: 95].

дательная книга “Соломон”» (Л. Ф. Пантелеев), «На той странице, где имена мужские, возьми и шарик хлебный кинь — как на “Соломона”: где остановится — то и имя дай» (С. Н. Сергеев-Ценский) [Отин 2004: 322] и др.

Народное сознание делает попытки объяснить связь между библейским царем и популярным гаданием. Согласно легенде, записанной в Ветлужском уезде Костромской губернии, будучи в аду, Соломон изобрел аршин (потому что должен был выбраться из ада *своими хитростями и мудростями*): «Украли у ево аршин, *Саламон* пошоў туда за им, за им двери-ти и зашшоўкнули. Тако и выбраўся. Оттово веть, кагда, мотри, ворожат, всегда и приговаривают: “*Царь Саламон*, скажи мне всю сушшую правду¹⁶» [Белова, Кабакова 2014: 317–318, № 474; 454 (коммент.)].

Воссоздаваемая на основе диалектных текстов практика гадания полностью совпадает с описаниями предсказаний по кругу царя Соломона, сделанными в [Вигзелл 2007: 55; Райан 2006: 468 и др.]: на лист с нарисованным кругом бросали зерно или восковые шарики и по цифре от 1 до 100, на которую они падали, находили пророчества в индексе-толкователе. Со временем, в связи с неизбежной утерей толкователей, гадание могло видоизменяться. Например, один из вариантов ворожбы, записанный в Вологодской области, предполагал толкование снов, привидевшихся человеку в день, на который указало число на круге Соломона: «Соломон был. Круг, на ём числа и месяцы. Кидают зерно от ячменя: на какое число падёт. Этого числа сон разгадывают. Бабы сон расскажут — и разгадывали. Там солнышко нарисовано, на солнышке вроде как человек» [КСГРС].

Помимо названия *соломон*, как обозначение гадательных книг употребляется сущ. *оракул* и его фонетические варианты¹⁷, которые встречаются во многих русских диалектах: на территории Южного Прикамья (*варáкуль* [СРГЮП 1: 97–98; СПГ 1: 77]), в Брянской, Орловской, Томской областях и Мордовии (*орáкуль* [СОГ 8: 144; СРГС 3: 96], *ра́куль* [СОГ 12: 79; СРГМ 2; СРНГ 34: 91]), на Среднем Урале (*арáкуль*, *варáк*, *варáкул*, *варáкуль*: «На Рождество варакулы были, девки на жанихов гадали»; «Я запомнила варакуль, такая книжка была, там кружки всякие, на них номера. Вот катали на этом на кружке, куда номер попадёт, на обратной стороне цифры — какой ли там жених или чё ли. Книжка уж вся истрёпана, каждые Святки таскаю» [ДЭИС]). К обозначениям гадательного круга восходят и ср.-урал. *варáкуль* ‘гадалка’ и *варáкулить* ‘гадать по этой книге’ [Там же]. На Русском Севере гадательные книги также могли называть *ворáкул* (*вороку́л*), *ворáкула*, *варáкуль* (арх., влг.) [СГРС 2: 23; АОС 5: 84]. Очевидно, слова *оракул* и *соломон* употреблялись как синонимы («Соломон называется воракул» [КАОС]), хотя, по некоторым архангельским текстам, у этих слов могли быть несколько различные значения: «Три ворокула и один соломон», «Были раньше ракули да соломон был» [Там же]. Характер различий между *ора-*

¹⁶ Очевидно, этот приговор был широко распространен: он фиксируется и у семейских Забайкалья [Белова, Турилов 1995: 490], и в архангельских говорах (см. приведенный выше контекст).

¹⁷ Интересно, что один из вариантов книги Соломона назывался «Новейший карточный оракул» [Райан 2006: 468].

кулами и соломонами установить довольно сложно: вероятно, под *соломонами* подразумевали именно гадательные круги, а *оракулами* называли гадательный круг вместе с книгой-толкователем, ср.: «Были книжки варакули. В конце варакуля ответы, а в начале — спрос, круга нарисованы, ворожили девки по ней» (арх.) [СГРС 2: 23].

Названия гадательного круга обнаруживают неявную, но доказуемую связь с обозначениями **конфет** (обычно круглых) в обертках и самих **обертках**, которые составляют наиболее темную в мотивационном отношении часть деривационно-фразеологического гнезда с корнем *соломон-*. Эти обозначения фиксируются на Русском Севере (арх., влг.), Северо-Западе (ленингр., псков.) и в дочерних говорах бассейна р. Урал: арх., псков. *соломóн* [КСГРС; КАОС; СРНГ 39: 295], арх. *соломóнка*: «Праздник спразднуем; соломонки — конфеты самы просты, сладкие в бумажке»; «Соломонки таки были — конфетки в соломонках» [СРНГ 39: 295], арх. *соломóнная бумажка* [Там же], арх., влг., ленингр. *соломóнчик*: «Соломончиков-то накидал, баловень! Ишь, соломончики какие баские» (влг.), «Соломончики мы собирали, это оберточки от конфет» (арх.) [КСГРС; КАОС; СРГК 6: 215], басс. р. Урал *соломóночка*: «Соломоночка квадратна с начинкой, желтовата конфета» [СРНГ 39: 295]. Судя по контекстам, обертки были красивыми и яркими, а на них было размещено некоторое изображение округлой формы, возможно, лицо, ср.: «Что за конфеты такие, соломончики красивые шибко» (ленингр.) [СРГК 6: 215]; «Я лежу: девочка кругленькая выходит, как на соломонных бумажках» (арх.) [СРНГ 39: 295].

Вполне возможно, что название возникло на основе обозначения конкретного вида конфет, которые продавались на Русском Севере (и, возможно, где-либо еще). Конфеты для крестьян всегда были лакомством, которое покупалось только к некоторым календарным и семейным праздникам: парни угощали сладостями девушек на вечерних посиделках, жених одаривал конфетами подруг невесты на девичнике. По свидетельству корреспондентов Тенишевского архива из Вологодской губернии, «к празднику появляются на столе лакомства: орехи кедровые и каленые, белые дешевые пряники и карамель, преимущественно детская и *гадательная*. Появляются они только при гостях» (сольвыч.) [Тенишев 5/3: 613]. Примечательно, что здесь упоминается *гадательная карамель* (краткие свидетельства об ее использовании есть также в [Райан 2006: 468, со ссылкой на: Харузина 1908: 102]). Действительно, в конце XIX в. многие кондитерские фабрики производили изделие с таким названием. На обертках гадательной карамели размещались некоторые предсказания нравоучительного характера, например: «Без врагов и завистников не бывает, но молись и ты победишь»; «Позаботься прежде о душе, а земное все прах; сколько не получишь, не ровну(ю) лукавству, оно истребится все на сем свете»¹⁸. В конце XIX в. *гадательную карамель* выпускали фабрики не только в Москве и Санкт-

¹⁸ См.: <http://nlr.ru/exib/fortune/>.

Петербурге, но и в Астрахани, Уфе, Ярославле: например, фабрика В. А. Корнилова «под фирмой М. А. Михайлова» в Санкт-Петербурге, несколько московских фабрик — М. И. Васильева, братьев Максимовых и Д. И. Иванова с С^{ми}, кондитерская фабрика В. П. Кузнецова в Ярославле. Судя по хронологической атрибуции оберток конфет¹⁹, основное их производство пришлось на 1890-е гг.: примечательно, что к 1898–1899 гг. относятся и записи корреспондента Тенишевского архива Н. К. Кириллова о покупках вологодскими крестьянами гадательной карамели. Есть свидетельства о том, что гадательная карамель была в обращении в Москве еще на Святках в 1907 г. [Харузина 1908: 102].

На обертках гадательных конфет был нарисован круг в виде солнца с секторами-лучами, отходящими от размещенного в центре лица, — изображение гадательного круга. Благодаря популярности гаданий по кругу царя Соломона, изображение гадательного круга на конфетах безошибочно соотносилось крестьянами с «кругом царя Соломона», а вслед за этим и конфеты в народной среде стали называться *соломоны* или *соломонки*, ср.: «Соломонки, конфеты таки, а бумажки с Соломоном» (арх.) [КАОС]. Интересное свидетельство об использовании гадательной карамели находим у В. Харузиной: «Карамель эта идет между прочим в монастыри, где “старцы” пользуются ею для ответов вопрошающим: они дают приходящим по одной, по две карамели как бы в ответ на вопрос» [Харузина 1908: 102]²⁰.

Для крестьян обертки от конфет-*соломончиков* стали символом всего яркого, цветного и пестрого, ср. смол. *соломѡн* ‘о ярком кусочке ткани, яркой бумажке и т. п.’: «Я собираю соломони только от дорогих конфет», ‘цветастый платок’: «Соломон — это платок с большими цветами» [ССГ 10: 76].

Представления о гадательных практиках по кругу Соломона нашли отражение не только в номинации конфет и оберток. Есть и другие номинативные сферы, в которых воплотились впечатления о характере рисунка на гадательной книге и способе гадания. Так, на Русском Севере с *соломонами* сравнивали круглолицых людей — по сходству с изображением «лица» солнца в центре круга царя Соломона, ср. арх. *соломѡнчик* ‘о ребенке с широким лицом’ [КСГРС], арх. *соломон* ‘о круглом лице’: «Маленька, лицо круглое, как соломон, корявая» [КАОС].

Визуальную схему гадания повторяет детская игра *соломѡн*, по условиям которой в центре игрового пространства находился водящий-*соломѡн*: арх. «Ребятишка соломоном играли, ты будешь соломон сѣдни»; «Соломо-

¹⁹ См.: <http://nlr.ru/exib/fortune/index1.html>.

²⁰ Гадания с помощью конфет, печенья и пр. практикуются до сих пор. Запрос «конфеты с предсказаниями» в Интернете дает выход на множество сайтов с указаниями, где можно купить или как изготовить такие конфеты (например: <https://sdelaysam-svoimirukami.ru/2780-konfety-s-predskazaniyami-noch-pered-rozhdestvom.html>).

ном играли, соломона станоят в серёдку, чего-то с им делают» [КСГРС]. Это не единственная игра, воспроизводящая процесс гадания по гадательному кругу. В Вологодской области существовала молодежная святочная забава *воракуль*, которая весьма непристойным образом пародировала такие гадания, при этом роль гадательного круга выполняли ягодицы одного из участников: «Один из ряженных, приспустив штаны, ложился ничком на лавку. “Теста накатаешь и ему на задницу кидаешь. Там кружки. Судьбу ворожили”»; «Голова закрыта, шапка-то спёхнута. А на заднице нарисован (углем) круг цёрной — такие, как от солнышка, лучи идут по всей заднице. И вот этот, крюк-от вставлен (между ног), а в ём другой, штоб этот вертеси — как у шарманки ручка. Один мужик крюк вертит, а тот и поёт. Вот девка подходит, берёт тожо катыш хлеба засушонной и катает по заднице. А другой крюк и вертит. И вот он ей чево не нагородит, говорит ей всю правда, што знает про её, чево будёт» [Морозов, Слепцова 2004: 708].

3. Перейдем к описанию третьего блока значений. Эти значения (или на синхронном уровне, или на уровне реконструируемой мотивации) можно условно назвать **характерологическими**: они отражают представления о чертах характера, интеллекте, поведении того, кому приписывается имя *Соломон*.

Как известно, в литературной традиции с Соломоном ассоциируется мудрость (*соломон* ‘мудрец’, ‘мудрый судья’²¹ [Отин 2004: 321], *соломонова мудрость*, *премудрость*²²), с которой связывается способность принимать взвешенные решения (*соломоново решение*²³), творя *соломонов суд*²⁴.

²¹ Ср. контексты: «Тарас посмотрел на этого *Соломона*, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду» (Н. В. Гоголь); «*Соломон*-квартильный, вместо суда, бранил их обоих на чем свет стоит» и др. [Отин 2004: 321].

²² Ср. контексты: «Взглянув на огромную кипу, состоящую из нескольких тысяч листов, покажется всякому, будто надобно иметь *премудрость соломонову* и силу самсонову, чтоб выпутаться из этой письменной топи» (Ф. В. Булгарин. 1829); «Ума, что ли, тут так много надо? Что за *соломонова* такая *премудрость*! Был бы только характер; уменье, ловкость, знание придут сами собою» (Ф. М. Достоевский. 1875); «Подай же тебе, господи, самсонову силу, александрову храбрость, *соломонову мудрость* и кротость давидову!» (М. А. Булгаков. 1934–1935); «Ну что ж, опять вспомним *соломонову премудрость* — “И это пройдет!”» (Н. К. Рерих. 1947) и т. п.

²³ Ср. контексты: «Такое *соломоново решение* вызвало кругом громкогласный хохот» (В. П. Авенариус. 1898); «Оспаривать это *соломоново решение* Даневич не стал» (Л. Юзефович. 2002); «В этой сложной ситуации Семик и был, в сущности, *соломоновым решением*» (Е. Водолазкин. 2012) и др.

²⁴ Ср.: «И все-таки его *соломонов суд* показался товарищам таким премудрым, что приведенные здесь слова были дословно цитированы Эмилем Дарно в его книге ...» (Г. В. Плеханов. 1894); «Там в дурные дни он чинил *соломонов суд* и расправу, наблюдая за общественным порядком и чистотой» (А. А. Дикгоф-

В диалектной речи и в фольклоре выражение *соломоново решение*, кажется, не отмечается; *соломонов суд* упоминается редко (ср. приводившийся выше пример из заговора: «разсудит нас царь Соломон, Спасова рука»); при этом эпитет *мудрый* при имени *Соломон* вполне устойчив. Так, нередко этот эпитет фигурирует в заговорах [Юдин 1997: 139]; ср., к примеру, заговор, в котором царя Соломона просят успокоить корову: арх. «*Царь Соломон, хитрый и мудрый* <...>, сам подойди, рабу Божью Пестрюнюшку постави» [РЗЗ: 187, № 1036]²⁵. Отмечается глагол *соломонничать* ‘изрекать умные мысли, умничать’, который, по всей видимости, использовался в просторечии [Отин 2004: 322].

В лексической системе русских народных говоров подчеркивается не столько мудрость, сколько хитрость и обман: арх. *соломón* ‘двуличный человек, проныра’: «Ну, такой соломон, он и нашим, и вашим»; «Ну, соломон, всюду заберется», карел. *подсоломónить* ‘приврать’: «Я вчера им подсоломонила немножко, когда рассказывала» [СРГК 4: 673; СРНГ 28: 190]; наверное, сюда же карел. *осоломотить* ‘обмануть, провести’: «Так ты меня осоломотила, цто я на тебя на суд подам, все денюжки выпыганила» [СРГК 4: 251]. Семантика обмана легко дает значение болтовни: арх. *соломón*, *соломóха* ‘болтун’ [КСГРС].

Такое семантическое развитие обусловлено несколькими причинами. Первая причина самая общая: система номинации человеческих свойств, как известно, вообще склонна к акцентированию отрицательных свойств и к сдвиганию «плюса» в «минус». Во-вторых, слова с корнем *мудр-* в народной речи нередко используются для обозначения хитрости, ср. без указ. м. *мудрить*, *мудровать*, перм. *мудрять*, *мудренічать* ‘хитрить, придумывать необычайное, делать самонадеянно свое; умничать, дурачить кого-л.’: «Не олух я тебе дался, мудрить-то надо мной», яросл., новг. *мудрушка* ‘хитрушка, обольщение, обман или шутка’ [Даль² 2: 931], пск., твер., костр., перм. *мудрять* ‘хитрить’, перм. *мудряться* ‘прибегать к разнообразным уловкам’ [СРНГ 18: 331], сиб. *мудрить мозгу* ‘вводить в заблуждение, дурачить’: «Да будет тебе девчонкам мудрить мозгу, они уж и так со страху дрожат» [ФСРГС: 115] и т. п.; ср. также частый фольклорный эпитет *хитромудрый*. В-третьих, идея хитрости и обмана может быть наведена «гадательными» ассоциациями имени *Соломон*: ворожба ассоциировалась с ложью. Типичность семантического перехода ‘гадать’ > ‘врать, обманыв-

Деренталь. 1919); «По несколько раз в день приходится творить *суд сомонов* (С. М. Волконский. 1923–1924) и т. п.

²⁵ Вообще, в сказках и легендах о Соломоне делается акцент на его премудростях и изобретениях. Он изобрел алфавит (новг.) и аршин (костр.) [Белова, Кабакова 2014: 304–305, № 465; 317–318, № 474]. С именем Соломона связаны легенды о происхождении камней (Полесье), о постройке первого дома (Подолія), об изобретении сельскохозяйственных орудий (Подолія), музыкальных инструментов (Бойковщина, Угорская Русь), о строительстве Вавилонской башни (старообрядцы в Литве) и др. [НБ: 305].

вать' подтверждают и значения сущ. *воракул*, ср. влг.: «На варакуле гадали, что кому наврет», арх. *варáкуль* 'лгун': «Какой ли варакуль врал, гадал» [СГРС 2: 23]. В-четвертых, собственно народный стереотип царя Соломона фиксируется на хитрости. Об этом писал еще В. Я. Пропп, рассматривая русские легенды сказочного происхождения и относя к таковым весь цикл сюжетов о Соломоне: «Соломон в народной традиции пользуется славой мудреца-хитреца. А так как разгадывание загадок, решение трудных задач, всякого рода хитрые и ловкие проделки представляют излюбленную тематику сказки, то многие из таких мотивов приурочиваются к имени Соломона, но известны и без такого приурочения» [Пропп 1998: 285]. Именно хитростью, к примеру, Соломон смог выбраться из ада и попасть в рай (см. специально в [Кузнецова 2010]). В-пятых, свойство хитрости непременно включается в стереотип еврея, существующий в наивном лингвокультурном сознании (не только русский, но и, очевидно, общеевропейский). Наконец, семантическое развитие слов гнезда *соломон*- могло стимулировать созвучие гл. *подсоломóнить* (*осоломóтить*) и *молотить*, для гнезда которого характерен мотив пустой болтовни, ср. влг. *молотýло* 'болтливый человек', твер. *молотýга* 'пустомеля' [СРНГ 18: 240, 241], арх. *замолóка* 'то же', употребляемое как синоним *соломона*: «Соломон, соломоха, замолока — говорит очень много» [КСГРС].

Сущ. *соломон* встречается и в противоположном значении — 'глуповатый, несообразительный человек': «Ну, как соломон говорит, не понимает, недоразвитый, не скоро понимает»; «Соломоном ругаем, кабыть, соломон — такой нерасторопный человек, не больно подвижный» (арх.); «Он дурак, ровно Соломон. У нас в деревне Виташка Соломон прозвали, не такой был с головой» (влг.) [Там же]; «Не очень он такой развитой, тихой, саламон» (арх.) [КАОС], ср. также смол. *соломóн* 'безответственный человек': «Соломон какой-та! Ему всё равно: пропадай всё пропадом» [ССГ 10: 76]. Подобное значение могло появиться как результат дальнейшей трансформации мотива обмана и пустой, бессмысленной болтовни: одним из аргументов этой версии может служить совпадение географии лексемы *соломон* в значении 'проныра, болтун' и 'глуповатый, несообразительный человек', которые встречаются на территории Виноградовского района Архангельской области. В то же время игра признаками мудрости и глупости встречается в «соломоновой» лексике других славянских языков. Так, в западнославянских языках, а также в украинском и белорусском (в двух последних, очевидно, в результате заимствования из первых) есть ироничная модель «умный + как + одежда (ее деталь, обувь) Соломона»: укр. *мудрий як штани Соломона, розумний як соломонів патінок*, лемк. *мудрый як соломоновы ногавиці*, блр. *разумны, як саламонавыя порткі*, польск. *mądry jak salomonowe portki (spodnie, patynki, pantofle)*, *mądry jak salomonowa czapka*, чеш. *moudrý jako šalomounovy gatě (holenky)* и др., в рамках которой эпитет «умный» может заменяться на «глупый», ср. польск. *głupi jak salomonowe portki* [Кузнецова 2006: 101], об этой модели см. также в [Бе-

лова (рукопись)]²⁶. Думается, что дополнительная причина «профанизации» и «снижения» соломоновой мудрости состоит в том, что образ этого героя в народной традиции содержит некоторые негативные детали (он попадает в ад, утрачивает мудрость из-за связи с женщиной и др.) [НБ: 304–305]; кроме того, «негативизация» образа может происходить из-за интерференции черт библейского царя и «еврея вообще».

Интересное воплощение народных сюжетов о Соломоне, возможно, наблюдается в семантике влг., арх. *соломѡн* ‘озорной ребенок’: «“Ох ты, соломон, непослушный”, — matka скажет, а он: “Не пойду!”»; «Вот соломон-то! Всѣ бегает. Как савраска» (влг.); «Озорные, наверное; ну, ты, соломон, кто созлит»; «Что, соломоны, забегали тут, хватит всем бегать» (арх.) [КСГРС]; к этому значению близко также арх. *соломѡны* ‘бранно — о домашних животных’: «Ну, уклались, соломоны (о кошках)» [Там же]. Деривационно связанным с *соломѡн* ‘озорной ребенок’ является записанное на той же территории влг. *соломѡниха* ‘вредный человек’ [Там же]. Семантику озорства можно считать развитием значения хитрости и обмана, характерного для упомянутых ранее севернорусских дериватов имени *Соломон*. Но такое толкование не объясняет, почему имя Соломон оказалось связанным с образами детей. Возможно, утраченное мотивационное звено восстанавливается, если учесть сказку «Сын Давыда — Соломан», записанную Н. Е. Ончуковым в Пустозерской волости Архангельской губ. [Ончуков 1908: 124], — на территории, близкой к ареалу «детских» значений слова *соломон*. Речь в сказке идет о детстве царя Соломона²⁷, который, согласно библейской истории, действительно был сыном царя Давида: мать Соломона, испугавшись мудрости младенца, проявленной им еще в утробе, меняет его на сына кузнеца. Живя у кузнеца, Соломон обнаруживает мудрость, позволяющую ему обхитрить даже своего отца — царя Давида. Догадываясь о подмене сына, Давид решает испытать юного Соломона, предлагая кузнецу выполнить его хитроумные поручения. В ходе одного из испытаний Давид созывает детей со всего царства, чтобы самому опознать среди них своего сына Соломона: «Давыд говорит: “Кто царь Солѡман, выше садитесь”. А кузнечов-от сын научил робят: “Все мечитесь за стол, хоть выломайте и кричите: “Вси цари, вси Солѡманы”. Вси робята мечутца

²⁶ В ироничных фразеологизмах о соломоновой «мудрости» (= глупости) могут фигурировать не только наименования одежды, но и другие «низкие» образы: польск. *mądry jak salomonowe kozy*, в.-луж. *mudry kaž salomonowy móty*, чеш. *tvář se jako by sežral šalomonovo hovno* и др. — все со значением ‘очень глупый’ [Кузнецова 2006: 101].

²⁷ Вообще, детство царя Соломона — устойчивый мотив, включенный в указатель сюжетов и мотивов русской литературы [СУСМ: 55]. Он проявлен главным образом в Повести о рождении и похождениях царя Соломона (XVII в.), о которой см. [Титова 1977; 1986]; повесть эта известна и в фольклорных обработках [Титова 1986].

за стол, так Давид тут и не узнал <...> Вышли робята из-за стола, кузнецов сын с робятами играют, возьмут меж ноги полено, то, говорят, на коне ездим» [Там же: 126]. Осмелимся предположить, что именно память об этом сюжете стала прецедентной основой для арх., влг. *соломón* ‘озорной ребенок’.

В сознании носителей диалекта представлена и другая версия относительно путей появления значения *соломон* ‘ребенок’. На территории Двиноважья (в Виноградовском районе Архангельской области) лексема *соломон* (*соломончик*) выступает в ряде значений, которые в синхронной системе говора омонимичны: ‘конфета, конфетная обертка’, ‘шалун, озорник’, ‘детская игра’. Это побуждает придумывать связи между разными значениями: «Раньше конфеты были *соломончики*, вот по этим конфетам детей и называли» [КСГРС]. Думается, указанная связь носит вторичный характер.

В дальнейшем семантическое развитие слова могло быть поддержано созвучием имени *Соломон* и простореч. *охламон* ‘болван, бездельник’.

Другие *соломоны* с характерологической мотивацией уже не связаны, как представляется, с прецедентным именем, а отражают определенные черты **стереотипа еврея**.

Например, в вятских говорах записано слово *соломón* ‘воробей’: «В мороз и соломонов-то не видать»; «Соломоны весной возле домов так и шныряют»; «Соломон чирикает у окошка» [ОСВГ 10: 165]. Видимо, это обозначение воробья объясняется мотивами хитрости и пронырливости, которые приписываются подвижным и юрким птицам, «промышляющим» около крестьянских хозяйств и воруящим зерно, ср. вят., куйб., курск., новг., орл., тамб. *жид*: «Замучили жиды: насыпь зерна птице, а они тут как тут» (орл.) [Березович 2007: 432], пск. *еврей* [Гришанова 2015: 182]. В русских говорах есть обозначения воробья, образованные и от наименований других «чужаков»: ростов. *хохол*, пенз. *чалдон* [Там же]. Аналогичные «национальные» названия воробья встречаются в других славянских языках: польск. *żydek* ‘полевой (красноголовый) воробей’, укр. полес. *жид*, *жидок* ‘воробей’, блр. диал. *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* ‘то же’; польск. *mazurek* ‘полевой (красноголовый) воробей’, бучач. *madzur* ‘то же’, укр. надднistr. *mázur* ‘воробей’, блр. *мазурак* ‘полевой воробей’ [Березович, Кучко 2017: 424]. Замена производящего этнонима именем *Соломон* неудивительна: это имя может употребляться как обозначение типичного еврея, ср. смол. *шлѣма* ‘презрительное прозвище еврея’ (из еврейско-нем. *Schloma* ‘Соломон’) [Фасмер 4: 452]. Известны подобные наименования и на основе других антропонимов, они особенно частотны в просторечии и жаргоне, ср.: *абрам*, *абрамович*, *борух*, *зяма*, *изя*, *ицык*, *мойша*, *монька*, *рабинович*, *фима*, *хайм*, *хаскель*, *цукерман* ‘еврей’, *сарра*, *софья*, *хая* ‘еврейка’, *шмулька* (< идиш *Schmul* ‘Самуэль’) ‘презрительное прозвище еврея’ [Березович 2007: 121]. Такие деантропонимы могут заменять обозначения еврея и в составе фразеологизмов, ср., например, кашуб. *Ábram komu zazera do oči* ‘Абрам кому-л. заглядывает в глаза’ ‘кого-л. клонит в сон’ (в выражениях с аналогичной внут-

ренной формой и значением представлены собственно этнонимы) [Березович 2007: 442].

Наконец, есть еще одна «соломонова» номинация, отражающая, по-видимому, представления о положительно оцениваемых чертах типичного еврея. В городской разговорной речи потребляются слова *соломончики* и *соломоны*, обозначающие особый род котлет, которые готовятся обычно из мяса птицы с добавлением нескольких яиц²⁸. Они же называются *еврейские котлеты* (*котлетки*, *биточки*), *котлетки по-еврейски*. Это блюдо упоминается на множестве кулинарных сайтов, но только на одном из них удалось найти такую характеристику реалии, которая, возможно, связана с мотивировкой названия: *еврейские котлетки* должны быть очень пышными, что позволяет из небольшого количества мяса приготовить большой объем продукта²⁹. Рецепта этого блюда, кажется, нет в кулинарных книгах о еврейской кухне; неизвестен он и опрошенным нами жителям Израиля и российским, украинским и польским специалистам по еврейской культуре (что, конечно, не позволяет полностью отрицать возможность квалификации рецепта как собственно еврейского, хотя и сводит ее к минимуму). Единственное подтверждение названия (и дополнение к приведенной выше мотивации), которое нам встретилось, записано от жительницы г. Асбест Свердловской области. Из ее объяснения следует, что при приготовлении этого блюда применяются «хитрости», помогающие получить «из ничего» (из небогатых исходных ингредиентов) интересный результат, требующий большого труда. По мнению информантки, подобные свойства присущи и некоторым другим блюдам еврейской кухни, поскольку еврейские хозяйки экономны, трудолюбивы и умеют готовить хитроумные и вкусные кушанья из простейших продуктов³⁰.

²⁸ См.: <https://vkusnomir.pf/list/kurinye-solomony->.

²⁹ «Еврейские котлетки — это пышные, очень мягкие битки из курятины, которые даже больше напоминают своим видом обыкновенные оладушки или блинчики, чем мясные котлеты. На самом деле такое блюдо и правда скорее можно отнести к категории “олады”, чем приравнять к котлетам. А многим кажется, что еврейские биточки напоминают омлет, но только с мясом птицы. Без пышности вам не добиться настоящих *котлеток по-еврейски*, а потому готовить это угощение придется по всем правилам. Однако в этом есть и одно весомое преимущество: считается, что благодаря такой пышности объем готовых биточков увеличивается едва ли не вдвое! Это означает, что даже небольшого куса куриного филе вам хватит, чтобы накормить досыта всю свою семью» (цит. по: <https://tvoyarovarenok.ru/evrejskie-kotlety-iz-kuricy.html>).

³⁰ «Еврейские котлетки я научилась делать от тетки, этот рецепт в нашей семье знают все. Жили мы тогда во Фрунзе, были где-то 80-е годы. Население там было интернациональное, не знаю, откуда тетка узнала рецепт, но ходил он среди русских. Сколько я знаю еврейских блюд, там разные продукты. Умелые еврейские женщины могут очень вкусно готовить из недорогих продуктов. К примеру, те же бычки они могли замечательно приготовить, а рыба совсем маленькая, крошечная. Вот и еврейские котлетки из субпродуктов, из печени. (...) Но возле них потоп-

Как видим, в названии *соломоны* (*еврейские котлеты*) отражены такие составляющие стереотипа еврея, как бережливость (экономность) и изобретательность.

* * *

Не все «соломоновы» номинации удалось проинтерпретировать. Так, неясно ленингр. выражение *соломо́ны опускать* ‘знач.?’: «Илью празднуют, косят, жнут, соломоны опускали» [СРГК 4: 229]. К сожалению, это гапакс; только новые фиксации, возможно, прольют свет на мотивацию данной фраземы³¹.

В большинстве своем изучаемые лексические единицы становятся доступными для реконструкции при привлечении свидетельств из сферы обрядности, фольклора, верований, бытовых практик. Наиболее системно представлен в русских говорах пласт лексических единиц, связанный с практикой гаданий по «кругу царя Соломона». Здесь есть и прозрачные лексемы типа *соломон* ‘гадательный круг’, и полностью деэтимологизованные — *соломонка* ‘круглая конфетка’, *соломон* ‘цветастый платок’ и др. Ключ к расшифровке этих фактов дает обнаруженное в Тенишевском архиве упоминание о «гадательных конфетах», на обертках которых был изображен круг царя Соломона (и могли быть написаны предсказания). Заметим, что изготовление конфет в обертках — не такая частая практика (в масштабе Европы), но для России вполне типичная, поэтому заимствованное (из польск. *fant*, восходящего к нем. *Pfand* ‘залог’) слово *фант(ик)* именно в русском языке получает значение ‘конфетная обертка’. Не повлияли ли игровые и гадательные практики на появление этого значения?

Выше уже говорилось, что большинство «соломоновых» лексем и фразем фиксируется в севернорусских говорах. Именно здесь особенно полно представлена группа «гадательных» номинаций. Однако гадательные практики были, разумеется, распространены шире — и «осколки» этой традиции сохранились в смоленских говорах, ср. *соломон* ‘о ярком кусочке ткани, яркой бумажке и т. п.’. Причины преобладания севернорусских фактов можно объяснить по-разному: во-первых, на Русском Севере, по всей видимости, был более популярен собственно гадательный ритуал; во-вторых, в этой зоне (во многом за счет деятельности монастырей, а также старообрядцев) сохранялись традиции старорусской книжности; в-третьих, здесь наиболее полно и последовательно собран диалектный материал. Интересно, что распространенные в русском фольклоре легенды о Соломоне, известные по крайней мере, с XIV в. фиксируются в первую очередь на севере Руси, см. [Изборник 1969: 747].

таться надо, много работы. Выгодное блюдо: мало печени уходит, а получается много продукта» (записано нами от Е. И. Ляшевой).

³¹ Не связано ли это как-то с легендами о том, что Соломон изобрел сельскохозяйственные орудия?

Линия прецедентных текстов, связанных с царем Соломоном, стремительно исчезает из народной традиции, и определенную поддержку «соломоновым» номинациям оказывают импульсы, идущие от антропонима *Соломон*, воспринимаемого как имя типичного еврея. Это проявляется в характерологических лексемах типа *соломон* ‘двуличный человек, проныра’. Отмечаются и такие лексические единицы, мотивировка которых вовсе не связана с царем Соломоном (ср. название воробья и котлет и их синонимы, образованные от этнонима *еврей/жид*).

На развитие значений дериватов имени *Соломон* повлияли внутрисистемные лексические созвучия и контаминации. Помимо упомянутых *соломон* — *молотить*, *соломон* — *охламон*, контаминационную пару составили диал. *соломон* и слово из армейского жаргона *салабон*, *салага* ‘молодой солдат срочной службы’, морск. *салага* ‘молодой и неопытный матрос’ [БСРЖ: 522]. Внутриязыковые связи лексем, обусловленные их фонетическим созвучием, проявляются в контекстах, демонстрирующих их синонимичность, ср. арх. *соломѡн* и *салабѡн* ‘новобранец; неопытный работник’: «В армии первогодка называют салага, а здесь говорят соломон или салабон: в бригаде работают девять человек, пришел молодой паренек, могут так назвать» [КСГРС].

Изучаемое лексическое поле, судя по всему, может быть расширено. Об этом говорят как «темные» диалектные выражения, для которых в будущем могут найтись подтверждения, так и номинации, появляющиеся в городской разговорной речи (ср. котлеты *соломоны*)³². Это говорит о возможности возвращения к «соломоновой» теме. Перспективным кажется и контрастивное изучение дериватов имени, поскольку разные языки ставят в их мотивации свои акценты³³; это вытекает из различий в рецепции образа героя в культурных традициях³⁴.

³² Говоря о кулинарных *соломонах*, упомянем еще слово *соломон* ‘лосось’, которое бытует среди русских репатриантов в Израиле (<http://rybafish.umclidet.com/solomon-ryba-carskaya.htm>). Это слово не рассматривается в основном тексте нашей статьи, поскольку представляет собой игровую реинтерпретацию англ. *salmon* ‘лосось’. Вместе с тем здесь есть еще один мотивационный акцент: лосось — «царская» рыба, поэтому в сознании носителей языка завязывается связь с *царем Соломоном*.

³³ Если мудрость Соломона является универсальным мотивом для вторичных номинаций, то некоторые другие мотивы специфичны: ср., к примеру, англ. выражение *Solomon's baby* ‘младенец Соломона’ ‘нечто неделимое, нечто, что необходимо мудро поделить’, в котором отражена легенда о том, как Соломон решил спор двух женщин, пытавшихся выяснить, кому из них принадлежит младенец [Рубцова 2009: 414].

³⁴ Ср., к примеру, такое свидетельство: «Ни в одной стране Европы образ Соломона как мага и волшебника не был столь распространен, как в ее православной части и у евреев» [Райан 2006: 468].

Литература и источники

Анненков 1878 — Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Сост. Н. Анненков. СПб., 1878.

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.

Арьянова 1–3 — В. Г. А р ь я н о в а. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1–3. Томск, 2006–2008.

Белова, Кабакова 2014 — У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М., 2014.

Белова, Петрухин 2002 — О. В. Б е л о в а, В. Я. П е т р у х и н. «Птица царя Соломона» и славянский фольклор // Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 137–144.

Белова, Петрухин 2007 — О. В. Б е л о в а, В. Я. П е т р у х и н. «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2007.

Белова, Турилов 1995 — О. В. Б е л о в а, А. А. Т у р и л о в. Гадательные книги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 486–491.

Березович 2007 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.

Березович 2014 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Березович, Кучко 2017 — Е. Л. Б е р е з о в и ч, В. С. К у ч к о. Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях) // Slovĕne. 2017. № 1. С. 413–448.

БСРЖ — В. М. М о к и е н к о, Т. Г. Н и к и т и н а. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 1–51. М., 1949–1958.

Верхотурова, Пьянкова 2003 — К. С. В е р х о т у р о в а, К. В. П ь я н к о в а. Лексические архаизмы из Двиноважья // Живая старина. 2003. № 1. С. 51–53.

Веселовский 1872 — А. Н. В е с е л о в с к и й. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.

Веселовский 1881 — А. Н. В е с е л о в с к и й. Новые данные к истории Соломоновых сказаний // Записки академии наук. Т. 40. Приложение. СПб., 1881.

Вигзелл 2007 — Ф. В и г з е л л. Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVIII–XX вв.) / Пер. с англ., предисл. и коммент. А. А. Панченко. М., 2007.

Гришанова 2015 — В. Н. Г р и ш а н о в а. Номинации воробья как отражение мировосприятия носителей говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2015. СПб., 2015. С. 178–183.

Даль₂ 1–4 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989).

ДО — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / Авт.-сост. О. В. Восстриков, В. В. Липина; Свердлов. обл. Дом фольклора; каф. рус. яз. и общ. яз.-ния УрГУ. Екатеринбург, 2009. 1 CD-ROM.

Елеонский 1958 — С. Ф. Е л е о н с к и й. Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 444–448.

ЕЭБГ — Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб., 1908–1913.

Зиновьева 2009 — Е. М. З и н о в ь е в а. Номинативные группы библейско-христианской образности в русской народной ботанике // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 8 (76). С. 205–209.

Изборник 1969 — Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Сер. «Библиотека всемирной литературы»).

Каменцева, Устюгов 1963 — Е. И. К а м е н ц е в а, Н. В. У с т ю г о в. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963.

КАОС — Картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка).

Колосова 2008 — В. Б. К о л о с о в а. Антропонимы в народной фитонимике // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 263–276.

Колосова 2009 — В. Б. К о л о с о в а. Лексика и символика народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

Коновалова 2000 — Н. И. К о н о в а л о в а. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Кузнецова 2010 — В. С. К у з н е ц о в а. Легенды народной Библии о Соломоне в аду: устные и книжные источники // Критика и семиотика. Вып. 14. 2010. С. 17–28.

Кузнецова 2006 — И. В. К у з н е ц о в а. Библейские персонажи в украинских устойчивых сравнениях (на славянском фоне) // Славяноведение. 2006. № 2. С. 92–103.

Майков 1992 — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / Сост., отв. ред., авт. послеслов. и примеч. А. К. Байбурин. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1992.

Михельсон 1–2 — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб., 1901–1902.

МНМ — Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1991–1992.

Морозов, Слепцова 2004 — И. А. М о р о з о в, И. С. С л е п ц о в а. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

НБ — «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

Ончуков 1908 — Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб., 1908. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 33).

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–12. Киров, 1996–2018.

Отин 2004 — Е. С. О т и н. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

Песковы 1993 — Обереги и заклинания русского народа / Сост. М. И. и А. М. Песковы. М., 1993.

ПКСРС — Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010.

- Плетнева 2013 — А. А. П л е т н е в а. Лубочная библия: Язык и текст. М., 2013.
- Пропп 1998 — В. Я. П р о п п. Поэтика фольклора / Сост. А. Н. Мартынова. М., 1998.
- Пыпин 1855 — А. Н. П ы п и н. Старинные сказки о царе Соломоне // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1855. Т. IV. Вып. VII. Стб. 337–353.
- Райан 2006 — В. Ф. Р а й а н. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006.
- Ремизов 1957 — А. Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. 1877–1957. Париж, 1957.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.
- Ровинский 1881 — Д. А. Р о в и н с к и й. Русские народные картинки. Кн. 5: Заключение и алфавитный указатель имен и предметов (= Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. XXVII). СПб., 1881.
- Родионова 2000 — И. В. Р о д и о н о в а. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Дис. ... канд. филол. наук / Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Рубцова 2009 — С. Ю. Р у б ц о в а. Толковый англо-русский словарь имен собственных в интертекстуальном аспекте. СПб., 2009.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1—. Екатеринбург, 2001—.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991; Вып. 5—. Орел, 1992—.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- Сперанский 1917 — М. Н. С п е р а н с к и й. Русская устная словесность: Введение в историю устной русской словесности: Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М., 1917.
- Спиридонов 2011 — Д. В. С п и р и д о н о в. К этнолингвистической характеристике имени Жак во французских диалектах // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10). С. 36–50.
- Спиридонов, Феоктистова 2017 — Д. В. С п и р и д о н о в, Л. А. Ф е о к т и с т о в а. Мария, Maḡia, Maḡie: наброски к языковому портрету // В созвездии слов и имен: Сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2017. С. 434–452.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 1–2. СПб., 2013.
- СРГП — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3. Пермь, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СУСМ — Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2003.

Сушицкий 1914 — Ф. П. Сушицкий. Редакции апокрифа «Суд царя Соломона»: (Об испытании жены) // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71, вып. 1. С. 61–74.

Тенишев 5/3 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007.

Титова 1977 — Л. В. Титова. Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 343–363.

Титова 1986 — Л. В. Титова. Фольклорные обработки Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма (= Археография и источниковедение Сибири. Вып. 10). Новосибирск, 1986. С. 209–251.

Фасмер 1–4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Феоктистова 2012 — Л. А. Феоктистова. Апеллятивные дериваты личного имени и его семантика (на материале русского и польского языков) // Язык и прошлое народа: Сборник научных статей памяти проф. А. К. Матвеева / Отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 229–241.

Феоктистова 2016 — Л. А. Феоктистова. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 86–116.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.

Харузина 1908 — В. Харузина. По поводу заметки П. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // Этнографическое обозрение. 1908. Год 19, кн. LXXV. № 4. С. 91–103.

Юдин 1997 — А. В. Юдин. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Юдин 2011 — А. В. Юдин. Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа // Славянский и балканский фольклор. Винограды: К юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. Вып. 11. М., 2011. С. 215–225.

Резюме

В статье исследуются семантические и семантико-словообразовательные производные имени *Соломон* в русских народных говорах и просторечии, а также устойчивые сочетания с этим именем. В корпусе материала, извлеченного из диалектных словарей русского языка и неопубликованных источников (картотек Словаря говоров Русского Севера и Архангельского областного словаря), преобладают севернорусские данные. Мотивационная реконструкция языковых фактов производится с опорой на культурный контекст — обрядовые и бытовые практики, фольклорные тексты и памятники книжности, верования. В рамках рассматриваемого деривационно-фразеологического гнезда сопрягаются две мотивационные линии: с одной стороны, имя *Соломон*, будучи именем библейского царя, «живет» в языке как прецедентное; с другой стороны, оно воспринимается как принадле-

жащее типичному еврею и поэтому перенимает коннотации этнонима. Авторы выделяют три основных смысловых блока внутри деривационно-фразеологического гнезда с вершиной *Соломон*: 1) лексические единицы, во внутренней форме которых есть указание на предметные атрибуты царя Соломона (ср., к примеру, фитоним *соломонова печать*); 2) слова, мотивационно связанные с обозначениями атрибутов гадательных практик, а именно с «Гадательным кругом царя Соломона» (например, диалектные названия конфет и оберток с корнем *соломон-* названы так из-за практики гадать по карамели, завернутой в обертку с нарисованным на ней кругом Соломона); 3) слова, отражающие представления о чертах характера того, кому приписывается имя *Соломон* (будь это библейский царь или «типичный еврей»).

Ключевые слова: русская диалектная лексика, прецедентное имя, имя *Соломон*, деривационно-фразеологическое гнездо, семантико-мотивационная реконструкция, этнолингвистика.

Получено 03.06.2018

ELENA L. BEREZOVICH, KSENIJA V. OSIPOVA

**THE FATE OF A NAME IN THE APPROACH OF *WÖRTER UND SACHEN*:
“SOLOMON” IN RUSSIAN DIALECTS AND VERNACULAR**

The article considers semantic and semantic-word-formative derivatives of the name *Solomon* in Russian folk dialects and colloquial speech, as well as collocations with this name. The material extracted from dialect dictionaries of the Russian language and unpublished sources (card indexes of the Dictionary of Dialects of the Russian North and Arkhangelsk Regional Dictionary) is primarily North Russian. Motif-reconstruction of linguistic facts is based on the cultural context — ritual and everyday practices, folklore texts and monuments of literature, beliefs. Within the derivational-phraseological word family there are two lines of motifs: on the one hand, the name *Solomon*, as the name of the biblical king, “lives” on in the language as a precedent one; on the other hand, it is perceived as belonging to a typical Jew, and therefore adopts the connotations of the ethnonym. The authors distinguish three main semantic blocks within the derivational-phraseological family: 1) lexical units with internal form indicating the subject attributes of King Solomon (cf., for example, phytonym *solomonova pechat*); 2) words related in motifs to the names of attributes of divinatory practices, namely, to “The Fortune-telling Circle of King Solomon” (for example, the dialectal names of chocolates and wraps with the root *solomon-* are explained by the practice of guessing at the caramel in a wrapper with the Circle of King Solomon drawn on it); 3) words that reflect the idea of personality traits of those to whom the name of *Solomon* is attributed (whether the biblical king or “typical Jew”).

Keywords: Russian dialect vocabulary, precedent name, *Solomon*, derivational-phraseological word family, motif-reconstruction, ethnolinguistics.

Received on 03.06.2018